

Стеблин-Каменский И.М. Памирские языки и мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981.

Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

Тихов Н.З. Болгарский дом и относящиеся к нему постройки по данным языка и народных песен // ИОАИЭ. Казань, 1891. Т. IX.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 1986.

Thomas M. Prosper. Souvenirs de Russi. Épinal, 1844.

Morgenstierne Georg. Etymological Vocabulary of Shughni Group. Wiesbaden, 1974.

Turner R. L. Collected papers 1912–1973. L., 1975.

Е.Г. Царева

«ПЛЕМЕННЫЕ» КОВРЫ СРЕДНЕЙ АМУДАРЬИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТ

Одной из замечательных особенностей традиционной культуры является малая изменчивость ее материальных форм, порожденная стабильностью/сакрализацией разработанных для производства тех или иных артефактов технологических навыков и украшающего их декора. Значительные трансформации либо разрушение таких навыков и орнаментальных сюжетов происходят лишь с исчезновением породившего их феномена. До этого момента наработанные техники/формы/мотивы могут подвергаться инновационным процессам и совершенствоваться (в благоприятных обстоятельствах) или претерпевать определенную деградацию (в неблагоприятных условиях), но их характер и присущие явлению идентификационные параметры остаются практически неизменными и легко узнаваемыми.

Сказанное относится в первую очередь к так называемым домашним занятиям, с их подчеркнутым тяготением к сохранению традиционных для социума-производителя знаковых форм. Товарное производство, в значительной степени ориентированное на вкусы рынка/заказчика и соответственно подверженное значительному влиянию последних, более подвижно в выборе разрабатываемых сюжетов, а иногда и техник. При этом следование «варварским» (чужим) вкусам и требованиям зачастую приводит к появлению интересного феномена, выражающегося в появлении предметов, чужеродных («ничейных») как для социума-производителя, так и для социума-пользователя, поскольку технология производства таких артефактов следует одной традиции, а форма и дизайн — другой, зачастую искаженной.

Одним из показательных с этой точки зрения явлений традиционной культуры является изготовление текстиля. Это исконно женское занятие, основные технологические приемы которого были разработаны в архаичный период, уже в древности приобрело локальные по времени и месту производства варианты. Текстильные техники и формы изделий были мало подвержены изменениям как в силу преемственности в передаче навыков ткачества «от матери к дочери», так и в силу знаковости каждого элемента текстильного артефакта: его внешних составляющих (декор), структуры получаемого полотна, формы изделия, равно как и самого процесса создания текстильного артефакта.

Рассмотрим ковроделие населения Средней Амударьи, главного, помимо туркмен-текинцев и иомудов, производителя ворсовой продукции в западной Центральной Азии. Особенность амударьинского коврового ткачества — наличие двух ярких стилистических линий. Одна из них была создана городской населением долины. Носителями городской традиции были потомки древних насельников территории, появившихся здесь в кушанский период, позднее потесненных волнами мигрантов, наиболее многочисленными из которых были огузы, арабы, сельджуки и пришедшие после монгольской катастрофы XIII в. переселенцы как с восточных, так и с западных территорий. Городская продукция представлена в основном большими постилочными коврами с растительными, анималистическими и икатными (абровыми) рисунками.

Вторая группа — продукция поздних по времени прихода на Среднюю Амударью туркменских групп, изделия которых имеют выраженный по формам и декору племенной характер. В результате в XVII–XIX вв. территория среднего течения реки была заселена весьма разнородным по происхождению и времени прихода в долину этническим конгломератом, основной доминантой в котором были туркмены-эрсари (южная зона). Это обстоятельство породило весьма распространенное в XIX в. и существующее и по настоящее время мнение, что все местные ковровые изделия с племенными формами и сюжетами создавалась ткачами именно этой группы. Более углубленные исследования, однако, доказали, что значительная часть изделий этой группы создавалась ткачами других туркменских племен (салоры, арабачи, др.).

Однако темой данного сообщения является третий, незначительный по объему, но яркий тип изделий, внешне, казалось бы, следующих туркменскому классическому племенному канону, но имеющих с ним значительные расхождения. К названному виду относятся постилочные ковры «халы»; небольшие по размеру изделия в форме настенных мешков «торба» и «чувал», а также такие подчеркнуто значимые атрибуты приданого туркменских

девушек, как дверные занавеси «энси», «капундук», «гермеч» и свадебные попоны «асмалдык». К отличным от племенных ковров чертам относятся в первую очередь увеличенные по сравнению с классическими вариантами пропорции названных изделий. Столь же значимыми являются иные, по сравнению с традиционными туркменскими узелковыми структурами, показатели плотности и приемов вязки, искажение цветовой гаммы (в первую очередь системы расцветывания гёлей) и общий не-племенной стиль орнаментики при измененных в принципиальных деталях рисунках и частом использовании «городских» сюжетов.

Сказанное заставляет усомниться в туркменском происхождении таких предметов. Но если ковры с гёлями, пусть и «неправильными», и свадебные попоны с анималистическими и растительными сюжетами ткали не туркмены, то кто? Могли это быть городские мастера? Сравнивая оригинальную ковровую продукцию торгово-ремесленных центров Средней Амударьи с «псевдоплеменными» изделиями региона, мы находим массу подтверждений такому предположению. Основания для них дают как технические характеристики, так и особенности орнаментики и цветовой гаммы изделий, выполненных в традиции, корни которой мы сегодня возводим к бактрийскому слою центрально-азиатского ковроделия. Одновременно находит свое объяснение и такой фактор, как изменение (увеличение) размеров псевдо-племенных изделий по сравнению с традиционными для туркменской продукции параметрами. Причиной является разная плотность вязки, поскольку, копируя традиционный племенной рисунок, городские мастера делали это по счету узлов, но ткали с привычной для себя плотностью, которая в 1,5–2 раза ниже, чем в туркменских коврах. В результате искажались пропорции не только предмета, но и его рисунка. Аналогичное явление наблюдается в наши дни, когда ткачихи пытаются создать, скажем, салорские надверники «энси», но делают это, не используя специфическую салорскую вязку с большой депрессией, а применяя те «плоские» узлы текинского типа, которым их обучили при приеме на фабрику. Результат — увеличение размера занавеса и полное искажение рисунка, что не могут исправить ни применение тонкого шелка, ни повышение плотности вязки.

Примерно то же происходило и с системой расцветывания гёлей: городскими копиистами было утрачено понимание важности следованию канону, и в результате появились варианты «гюлли-гёлей» с синим и желтым фоном и др. Отдельная тема — применение в изделиях рассматриваемого типа растительных и анималистических сюжетов, манера подачи которых следует стилю изделий древнего не-туркменского населения региона.

Почему нельзя принять за верную широко бытующую версию, что эти вещи производили все же эрсари, воспринявшие местную традицию ткачества? Отрицательный ответ объясняется тем, что между временем прихода эрсари на Среднюю Амударью (конец XVII в.) и появлением изделий рассматриваемого псевдоплеменного типа (XVIII в.) прошло слишком мало времени для утраты племенем собственной традиции. Для сравнения можно рассмотреть ковроделие салоров — ранних (начиная с IX в.) мигрантов в северную зону долины Средней Амударьи. Ковровая продукция этого племени действительно имеет некоторую тенденцию к «врастанию» в местную манеру ткачества и систему образов, но демонстрирует лишь начальный этап процесса. Это маркируется некоторым изменением узла (утрата депрессии) и появлением более мягкой и светлой цветовой гаммы (наиболее вероятно, за счет особых качеств амударьинской воды), однако в целом все приемы и орнаментика сохраняются в традиционном виде.

Другой вопрос: почему туркмены, прекрасные ткачи, обращались к городским мастерам? Причин несколько. Во-первых, это могло быть для них проще; во-вторых, быстрее, особенно если требовалось срочно изготовить приданое. Свою роль мог сыграть и элемент особой привлекательности «экзотичности» (с точки зрения туркмен) таких изделий, которые действительно очень привлекательны и нарядны. И, несомненно, инициаторами явления могли быть сами профессиональные ткачи, готовые создавать племенные по виду изделия в обмен на необходимое для их работы сырье: овечью, козью и верблюжью шерсть. В любом случае, рассматривая ковроделие региона как своеобразный текст и применяя метод сравнительного анализа для его прочтения, мы находим еще одно яркое свидетельство функционирования системы тесных взаимоотношений, своего рода симбиоза Города и Степи в такой локальной точке центрально-азиатского региона, как долина Средней Амударьи.

ДРЕВНЕЙШИЕ СЮЖЕТЫ
НА СОВРЕМЕННЫХ ГЛАДКОТКАНЫХ КОВРОВЫХ ИЗДЕЛИЯХ
АРАБОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

Для поколений арабов Ближнего Востока и Центральной Азии ковры являются привычным, малозаметным, при этом необходимым предметом быта и едва ли не единственным украшением жилища. При общем мнении, что ковроделие является «лицом» культуры этноса, историческая составляющая темы остается малоизученной².

Предлагаемая статья обращается к интереснейшему аспекту коврового ткачества арабов Центральной Азии, а именно к древнейшим рисункам и композициям, выявленным на постилочных коврах и ковровых изделиях изучаемой группы³. Фактически мы говорим об элементах коврового декора, принесенных в регион арабскими мигрантами с Ближнего Востока. Их первая и, вероятно, самая мощная волна пришлась на время исламской экспансии VIII в. н.э.; позднейшие массовые передвижения приходятся на XIV, XVII–XVIII и начало XX в.

Пришельцы веками осваивали особенности образа жизни в регионе, что оказало влияние на все стороны жизни народа, включая ковроделие. Традиционный вид современного народного искусства, оно не было таковым изначально: роскошные ткани Древнего Востока создавались для правящей элиты при участии элиты духовной, и их рисунки были обращены к божественным силам⁴. Сравнивая древние, средневековые и современные памятники, мы видим, что со временем элитарные предметы теряли статус и «спускались» в толщу народной культуры. При этом многие изначальные орнаменты упрощались и изменялись при сохранении основы композиционных и технических решений.

Сегодня трудно определить, с какими умениями пришли арабские ткачи на новые земли; в фиксируемое источниками время ими практиковалось развитое товарное производство; часть продукции делалась в семьях для приданого, важнейшей частью которого были ковры *кыз гилим* / *джихези*. Ткались *гилямы* в технике килима с зазором (местное название — *араби*), с применением *кохма* и *сумаха*.

¹ Статья является кратким вариантом исследования, многие положения изложены без ссылок на источники.

² См. [Мошкова 1970; Винников 1940; Кармышева 1963]. О древнем ковроделии Месопотамии [Al-Tar I 1976; Tsareva 2009]; средневековом [Serjeant 1972; МИТТ 1938, 1939; МИУТТ, 1933]; современное состояние [Al-Sabah 2006; Crichton 1998; Crocker 1989; Och-senschlager 1995], комментарии О'Баннона [Moshkova 1996: 167–168].

³ Вещеведческая часть работы основана на материалах коллекций РЭМ, МАЭ, полевых материалах автора.

⁴ Например, материалы раскопок царских гробниц Ура [Woolley 1934].

Килимное переплетение является базовым для Евразии. Ранние археологические находки обнаружены в Малой Азии [Mellaart 1967]; высочайшие образцы производились — и производятся — в Восточном Средиземноморье. Практикующийся в Центральной Азии вариант не отличается сложностью и близок к традиционной для бедуинов манере ткачества.

Известные экземпляры *джихези* имеют не отмеченную у других народов Центральной Азии композицию, близкую к рисункам килимов циркумпонтийской, восточно-средиземноморской зоны и к декору так называемых коптских тканей. Аналогичная композиция и техника ткачества применяется арабами Джейнау в молитвенных коврах, дверных занавесях и напольных скатертях. Украшающие их орнаменты интересны, однако предметом нашего исследования являются два других крайне простых по форме рисунка.

Один из них представляет ступенчатые ромбы с заполнением и используетсся арабами Джейнау в постилочных килимах *базар гилем*, реже — в декоре гладкотканых торб. Арабский термин для обозначения мотива — *накии гишт* (перс.-тадж. *накии хишт* — «кирпичный рисунок»); туркмены называют его *хамтоз* («ступенчатый»); киргизы — *коса* («чаша») и *араби* («арабский») [Мошкова 1970: табл. XXXII–2; XXIII и др.].

Важно, что арабы использовали ступенчатые ромбы только в килимных изделиях. Другие ковроделы региона применяли их для убранства центрального поля ворсовых ковров (медальонный тип). Племена туркменской Соинхановской конфедерации применяли мотив для заполнения прямой клетки (тип компартмент) и в декоре *элема* ряда ковровых изделий (орнаментальный тип) [Tsareva 1984: fig. 5, 10; 95].

Рассматривая сюжет в исторической перспективе, мы видим, что в Центральной Азии орнаментальный и компартмент типы зафиксированы с периода энеолита и бронзы [Сарианиди 1967: 63, 82; 2009, рис. 91, 92]. В Месопотамии близкие к идентичному *накии гишт* орнаментальный и медальонный типы выявлены на мозаичных нишах и колоннах Урука [Sumer 1993: 79]. В античное и эллинистическое время он стал одним из излюбленных сюжетов убранства текстиля стран Средиземноморья [Great Carpets 1996: fig. 18].

В раннеисламское время медальонный тип зафиксирован на вышитых коврах Египта [Ibid: fig. 87]. Позднее мы находим его в убранстве стен медресе и мечетей Мавераннахра; орнаментальный вид использовался в декоре одежды суфиев. В XIX в. медальоны орнаментального типа применялись бедуинами [Al-Sabah 2006: 40, 41]; близкий к *накии гишт* вариант изображен на фотографии XIX в. (МАЭ), представляющей молящихся в Большой мечети Дамаска¹.

Наши данные позволяют утверждать, что мотив ступенчатого ромба имел широкое распространение в разных зонах и культурах земного шара и был одним из древнейших известных нам сакральных изобразительных сюжетов. Использование рисунка в коврах, выполненных арабами Ближнего Востока и Центральной Азии в простейшем (он же древнейший) варианте килимной тех-

¹ МАЭ, колл. № И–1428–16.

ники, как и принятое в регионе для его обозначения название *араби*, говорит о предположительно ближневосточном происхождении как техники, так и мотива. Важный довод для этого — тот факт, что в ранние периоды в Хорасане и Мавераннахре (Бактрия, Согд) практиковалась техника килима с зацепом, в наши дни сохранившаяся только у шугнанцев, мало затронутых иноэтничными влияниями потомков сака.

Второй из рассматриваемых мотивов также широко распространен в изобразительном искусстве Ближнего Востока и Центральной Азии. Речь идет о мелких треугольниках, составленных в простейшие геометрические композиции. Нас интересует вариант, при котором треугольники организованы в горизонтально-диагональные ряды, полностью заполняющие центральное поле ковра. Аналогично ступенчатым медальонам, такой рисунок украшал мозаичные колонны и ниши храма Урука; в эллинистический период мы находим его в напольных мозаиках.

Ковроделы Джейнау и Средней Амударьи расцвечивали треугольники таким образом, что визуально мы воспринимаем их как ромбы. Аналогичный мотив отмечен у бедуинов Кувейта, где он считается одним из древнейших традиционных рисунков [Crichton 1998: 68].

Судя по имеющимся данным, рассмотренные варианты рисунков и ткачества сложились до начала исламской экспансии в регион. Они характерны, при отличиях в форме изделий, для предметов мебелировки жилища арабов разных территорий (о бедуинах [Al-Sabah 2006: 38 etc.]) и в древности не использовались ковродельческими народами Центральной Азии. Резюмируя сказанное, можно говорить о минимальном воздействии иноэтничной среды на архаичные рисунки килимов арабов Центральной Азии, оставляя за скобками то обстоятельство, что рассмотренные мотивы могли быть принесены сюда поздними арабскими переселенцами, наиболее вероятно — мигрантами XVII–XVIII веков.

Библиография

- Винников И.Н. Арабы СССР. Советская этнография. М., 1940. Вып. IV.
- Кармышева Б.Х. Среднеазиатские арабы // Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. II. С. 582–596.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1938. Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. II: XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники.
- Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933.
- Мошкова В.Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX в. Ташкент, 1970.
- Сарианиди В.И. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М., 1967.
- Сарианиди В.И. Тайна и правда великой культуры. Ашхабат, 2009.
- Al-Sabah A. Ibad: Ornate Tent Dividers and Weavings of the Kuwait Desert. Kuwait, 2006.
- Al-Tar I. Excavations in Iraq, 1971–1974. Tokyo, 1976.

- Crichton R.* The Techniques of Bedouin Weaving. Kuwait, 1998.
- Crocker G.* Traditional Spinning and Weaving in the Sultanate of Oman. Oman, 1989.
- Great Carpets of the World.* Paris, 1996.
- Mellaart J.* Chatal Huyuk: A Neolithic Town in Anatolia. N.Y., 1967.
- Moshkova V.G.* Carpets of the people of Central Asia of the Late XIX and XX Centuries /Ed. and transl. by G.W. O'Bannon and O.K. Amanova-Olsen. Tucson, AZ, 1996.
- Ochsenschlager E.L.* Carpets of the Beni Hassan Village Weavers in Southern Iraq // *Oriental Rug Review*. 1983. Vol. 1. No. 5. P. 12–20.
- Sergeant R.B.* Islamic Textiles. Materials for a History up to the Mongol Conquest. Beirut, 1972.
- Sumer: Cities of Eden / Lost Civilizations.* Alexandria, Virginia, 1993.
- Tsareva E.* Rugs and Carpets from Central Asia. The Russian Collections. Leningrad, 1984.
- Tsareva E.* Where and When Knotted Rugs Began to Be Produced // *Filikli. Anatolia XX century Moreschini Collection*. Firenze, 2009.
- Woolley L.* Ur Excavations. Vol. II. The Royal Cemetery. N.Y., 1934.

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Маргианская археологическая экспедиция

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 2

Редакционная коллегия
В.И. Сарианиди (главный редактор),
П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова

Москва 2008

К вопросу о датировании ранних туркменских ковров соинхановской конфедерации племен (салоры, сарыки, население средней Амударьи)

Одним из наиболее интересных и одновременно наиболее сложных аспектов изучения туркменских ковров является проблема определения их возраста. Сто лет назад в России все старинные ворсовые изделия датировали XVIII в. (1). Позднее специалисты-текстильщики, главным образом европейские и американские, стали относить их преимущественно к XIX столетию (2). В последние годы, однако, появилась тенденция возврата к XVIII в., изредка высказывались предположения о возможности сохранения изделий и более раннего времени, но не древнее XVII – конца XVI века.

Данная статья основана на материалах, полученных в ходе проекта по определению возраста туркменских ковров с помощью новейших методов датирования тканей по C14 (3). Применение названного способа помогло выявить изделия, возраст которых превышает 400 лет (4), то есть созданные в XV—XVI вв., в одном случае – и ранее (5). Полученная информация кардинально изменила наше представление об истории развития туркменского ковроделия. Появилась также возможность выделения художественных и структурных особенностей, характерных для ранних туркменских ковровых изделий. Именно этой теме посвящена предлагаемая статья, основные тезисы которой были сформулированы в 2000 г. (6).

Важность результатов C14-тестирования несомненна. Однако очевидно, что критерии для датирования существовали и ранее, и именно они послужили на начальном этапе основой для выявления экспонатов на тестирование. Не все отобранные вещи оказались действительно ранними, однако наличие разных по времени создания образцов позволи-

ло, как мы увидим ниже, построить своеобразную шкалу, маркирующую временные изменения, происходившие в облике и приемах изготовления традиционных ковров рассматривавшихся групп на протяжении последних трех – пяти веков.

Этот момент следует подчеркнуть особо, поскольку опыт работы с туркменскими коврами показывает, что с течением времени практически каждое племя меняло – тем или иным образом – характерную для него манеру ткачества. Процесс протекал по-разному у разных племен, поэтому то, что являлось типичным для сарыков XVIII в., нельзя экстраполировать на ткачество салоров или эрсаринцев, и наоборот.

Мое понимание объективной обусловленности этих трансформаций, соотносимых в определенной степени с датировками, складывалось постепенно. Первым выявленным фактором изменчивости была, как и для многих других исследователей, орнаментика; следующим используемым как временной показатель маркером стала цветовая гамма. Однако лишь при работе над данным проектом стало понятно, что во многом процессы изменчивости орнаментов и целых композиций связаны с изменениями в используемых мастерицами методах вязки, называемых в литературе структурными показателями. В статье рассматриваются главным образом эта часть «ковровой триады», но не потому, что я считаю структурные показатели наиболее значимыми, а в силу их меньшей изученности по сравнению с орнаментикой и цветовой гаммой.

Приводимая в статье информация является результатом исследований автора и опирается на самостоятельно разработанную

методику изучения и описания структурных показателей ворсовых изделий. Основной вещеведческой частью стали материалы привлекавшихся коллекций, а именно: 23 ковровых изделия работы племен Салорской Конфедерации (6 сарыкских, 7 средне-амударьинских, 10 салорских) (7). Упомянем, что в зарубежных собраниях есть датированные по углероду изделия, оставшиеся недоступными на момент работы над проектом и, соответственно, не вошедшие в круг рассматриваемых объектов.

Вторым блоком привлекаемой информации являются результаты тестирования названных предметов по карбону, любезно предоставленные докт. Георгом Бонани, Швейцарский федеральный институт технологии (Swiss Federal Institute of Technology; 1999—2000 гг.).

Первой рассматриваемой в статье группой ковров будут изделия сарыков. Последние выбраны как наиболее репрезентативный и, одновременно, лучше изученный автором тип. Именно старинный сарыкский постилочный ковер из коллекции Ганса Синкнехта (рис. 1) однажды привлек мое внимание необычной манерой создания нитей оранжевого цвета: помимо двух основных тонов в рисунок *халы* был введен третий, близкий к ним вариант оранжевого, ясно просматривавшийся под микроскопом. Однако это был не отдельный оттенок, но смешанный, созданный сучением нитей двух основных тонов (рис. 2).

После того как данный способ цветообразования был впервые идентифицирован, он был выявлен в целом ряде сарыкских ковров и настенных мешков. Все эти изделия, вне зависимости от типа, имели такие общие качества как редкость и индивидуальность рисунка и старинный облик. Со временем наличие приема сучения нитей разных оттенков стало для меня маркером возраста, можно сказать, признаком того, что данная вещь заслуживает особого внимания.

Умелые ткачихи, сарыкские женщины получали сходный визуальный эффект чередованием рядов узлов разных цветов – или их оттенков – на декорируемой поверхности. Следует отметить, что в рассмотренных сарыкских изделиях данный метод применялся только для достижения оттенков оранжевого

и желтого, изредка – красного цвета, как для шерсти, так и для хлопка (8).

Обе описанные манеры расцветивания не являются большой редкостью, однако, как правило, обнаруживаются лишь в изделиях высочайшего технического и художественного уровня, со сложным многоцветным декором и приемами изготовления.

Характерной чертой туркменских ковров является доминирование геометрической орнаментики. Однако действительные шедевры ткачества демонстрируют также мастерское исполнение анималистических и растительных сюжетов. Для выполнения изящных цветочных мотивов разные племена использовали разные методы ткачества. Излюбленным «трюком» сарыкских ткачей был прием смещения (офсет). Данный эффект достигался использованием ряда сложных для исполнения приемов, наиболее распространенным из которых является зацеп (рис. 3а). Среди других следует назвать введение узлов на одной нити основы и на трех нитях основы (рис. 3в), а также пропуски основы (3г), хотя последнее более характерно для текинско-го ковроделия. Для того чтобы подчеркнуть особый, эксклюзивный характер таких узлов я назвала их иррегулярными, в противопоставление регулярным, заполняющим основную площадь ковра.

Важно отметить, что прием смещения характерен главным образом для использующих симметричные узлы племен, таких как сарыки, иомуды или огурджали. Для достижения аналогичного результата другие, асимметрично ткущие племена, выработали альтернативные методы. Так, салоры применяли депрессию (рис. 4, аs III, аs IV), в то время как текинцы пошли по пути разработки исключительно плотной вязки (до 10 000 узлов/дм и более) (9). Одновременно ковроделы Средней Амударьи имели свои способы, о которых речь пойдет ниже.

Рассматривая прием смещения, мы видим, что он типичен для группы настенных мешков с «цветочным» рисунком. Классическим образцом такого типа изделий является лицевая стенка уникального по рисунку *мафрача*, с четырьмя панелями, из коллекции С.М. Дудина (колл. № 26-22). Структура предмета демонстрирует ряд иррегулярных

приемов, включая смещение путем зацепа, узлы на трех и на одной нити основы и другие (рис. 5). Этот маленький шедевр туркменского ковроткачества всегда казался мне одним из самых красивых и старых в коллекции. Многолетнее тщательное изучение данного *мафрах* позволило постепенно менять его датировку, начиная от предложенного С.М. Дудиным XIX в. – к XVIII в., а затем и к концу XVII в. Углеродный анализ подтвердил предполагавшийся возраст, что позволяет говорить об успешности применения традиционного визуального метода датирования по отношению к хорошо изученным группам ковров.

Санкт-Петербургские коллекции содержат несколько других сарыкских изделий, имеющих сходную с рассмотренным *мафрах* цветовую гамму и структуру. Наиболее близкой к нему является *торба* с рисунком *мемлинг-гэль* из собрания ГРМ (КОВ-193; рис. 6). Близкое к идентичности сходство названных предметов позволяет отнести их к единой локальной и временной группе и датировать *торбу* с *мемлинг-гёлем* в тех же временных рамках конца XVII – начала XVIII вв.

Сарыкские изделия с иррегулярными структурами образуют несколько характерных групп. Одну из них составляют *многогёлевые* чужалы с пурпурным фоном, отличающиеся особым стилем декора и цветовой гаммы. Два таких *чужала* были исследованы в ходе проекта: один – из коллекции А.А. Боголюбова (РЭМ, № 87-33; рис. 7), второй – из собрания ГРМ (ГРМ, КОВ-220; рис. 8). Оба коврика имеют строгий и несколько монотонный декор, основными элементами центрального поля которых являются диагональные ряды малых *чужал-гёлей*; мелких «цветов» *келле* в *эле* и мотива *нальдаг* в центральной кайме (рис. 8). Несмотря на простоту, рисунок выглядит элегантно, полным движения и несомненно архаичным, вызывающим в памяти роспись арочных сводов на галерее «нартекса императрицы» в Храме Св. Софии в Константинополе (10).

С точки зрения техники ткачества структуры обоих чужалов оказались большим сюрпризом. Помимо «обычных» иррегулярностей, таких как смещение и зацеп, в них активно

использован ранее не выявленный прием использования особых дополнительных узлов, которые как бы «прилепляются» к базовому и не отделяются от него утком (рис. 9а, б). Аналогичный прием был описан Лесли Пиннер в применении к китайским коврам и назван *пэкинг* (11). Термин оказался удачным и был использован нами для обозначения описанного типа узлов, однако, с выделением двух вариантов. А именно: одиночные (рис. 9а) и множественные, которые могут составлять целые ряды длиной до 10–15 см (рис. 9б). Важно отметить, что множественный вариант обычно ткется методом зацепа, как показано на рис. 9б.

Что касается целей использования приема *пэкинг*, следует отметить вариативность его применения. Так, одиночные узлы вводились в тех случаях, когда ткачиха хотела усилить цвет каких-то мелких деталей, например, серединки цветка или глазика птички. Одновременно, многорядные *пэкинг* выявлены главным образом в неорнаментированных частях коврового полотна. Это, наиболее вероятно, указывает на их «техническое» применение для укрепления фактуры ковра, в том числе для блокировки вероятных разрывов ворсового полотна.

Архаичный облик обоих *чужалов* и их сложная структура изначально позволили предположить их ранний возраст. Один мешок, из коллекции РЭМ, был тестирован по карбону и получил датировку 210±55 лет. Поскольку оба предмета почти идентичны по технике вязки и декору, мы сочли допустимым отнести и второй *чужал*, из собрания ГРМ, к тому же времени производства, то есть к началу 18 века либо чуть ранее. Из исторических источников нам известно, что названный период соответствует времени присутствия сарыков на Амударье, к северу от Чарджоу, где племя проживало с середины XVII до начала XIX вв. (12). В отличие от Средней Амударьи, славившейся превосходным качеством своей воды, вода дельты имела, видимо, иной состав, что определило темную, пурпурно-коричневую гамму изготавливавшихся в этом районе ворсовых изделий (13). Вполне возможно, что темные тона центрального поля некоторых сарыкских ковров, в том числе и данных *чужалов*, могут

быть объяснены именно водно-почвенными особенностями места их производства.

На определенном этапе развития проекта стало понятно, что практически все изготовленные до начала XIX в. сарыкские изделия выполнены с применением иррегулярных методов ткачества. Однако, оставалось некоторое сомнение, поскольку некоторые из получивших достаточно ранние датировки предметов имели, судя по описаниям, совершенно обычную структуру. Одним из таких экспонатов стала необычная *торба* с шестью архаичными *гёлями*, возраст которой был определен в 145+50 лет, из коллекции С.М. Дудина (РЭМ, колл. № 26-27; рис. 10). Для разрешения сомнений следовало изучить предмет еще раз. Результат оказался положительным: при тщательном рассмотрении всего поля *торбы* выяснилось, что ее нижний, неорнаментированный *элемент* соткан с применением приема *пэкинг*, главным образом в варианте зацепа.

Аналогичной была ситуация с лицевой стенкой *чувала* с *карлык-гёлями* (14), датированного по C14 XVIII в. (РЭМ, колл. № 26-75; рис. 11). *Чувал* обладает непревзойденными художественными качествами и поражает магически ярким оттенком светло-вишневого цвета центрального поля и великолепными пропорциями рисунка. Изученный, казалось бы, в прямом смысле вдоль и поперек, он первоначально не вошел в категорию изделий с иррегулярной вязкой. Некоторые сомнения в полноте прежних описаний заставили автора вернуться к экспонату, и в результате *чувал* обнаружил присутствие множественных приемов иррегулярности, причем, как и в выше описанной *торбе*, с шестью *гёлями*, главным образом в безузорных частях.

Данные случаи подтвердили предположение, что ранние изделия сарыков используют сложные системы узловязания. Они также показали, что при структурном анализе детального рассмотрения требуют все части ворсовых изделий, не только декорированные, но и неорнаментированные. И, кроме того, сделали очевидным тот факт, что, пока явление не выявлено и не названо, оно как бы и не существует для исследователя: мы его не видим и, соответственно, не описываем, поскольку даже и не пытаемся обнаружить.

Следующей рассматриваемой группой сарыкских ворсовых изделий являются дверные занавеси *энси*, оказавшиеся настоящей сокровищницей иррегулярных приемов ткачества. Лучшие образцы сарыкских *энси* высоко ценятся за красоту сложных рисунков мифологического содержания (15) и роскошную цветовую гамму. В зависимости от основного фоновых тона, такие занавеси относят к трем группам: с красным фоном, пурпурные и коричневые («черные»). «Черные» *энси*, также называемые *пенде*, являются наиболее поздними, также и наиболее простыми по декору и приемам изготовления. В группу на датирование по углероду они, соответственно, не вошли и в статье не рассматриваются. Однако пурпурная и красная под-группа, особенно вторая, оказались невероятно сложными по всем составляющим ковровой триады: структуре, цветовой гамме и орнаменту. Естественно, что самые интересные экспонаты этих типов стали кандидатами на тестирование. Одним из них был пурпурный занавес из коллекции Питера Хоффмайстера (рис. 12), датированный второй третью XVIII в. Применяв метод сопоставительной атрибуции, мы предложили аналогичную датировку и для пурпурного *энси* из собрания ГРМ (колл. КОВ-160; рис. 13).

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что относимым к XVII – XVIII вв. сарыкским ворсовым изделиям малых форм присущи яркие специфические черты. Таковыми являются: сложные, элегантные и хорошо разработанные рисунки; богатая колористическая гамма, включающая от 10 до 16 цветов, в том числе, оливково-коричневый, оттенки оранжевого и особые тона базового вишнево-красного. Еще одной их особенностью является сложная система нитеобразования и узловязания. Именно последнее, собственно, позволяло сарыкским мастерицам выполнять сложные выразительные композиции и тонкие, мягкие рисунки, высоко ценимые знатоками ковроделия.

Изучение тестированных по углероду разновременных образцов сделало также возможным сопоставление выявленных в них художественных и технических особенностей. Полученные результаты были выстроены в своего рода временную шкалу,

демонстрирующую те процессы или, точнее, тенденции к изменениям, которые происходили в сарыкском ковроделии в период от начала XVII до конца XIX вв. Проводимое сравнение позволяет увидеть, что выявленные в разновременных *энси* и настенных мешках особенности соотносятся определенным образом с возрастом рассматриваемых предметов. Наиболее явной является прослеживаемая с начала XIX в. тенденция к упрощению, точнее, к унификации применяемых приемов ткачества и декора изделий, также как и цветовой гаммы, утратившей гармонию чистых, глубоких тонов.

Нужно, однако, подчеркнуть, что и в XIX в. сарыкские мастерицы изготавливали исключительно красивые, сделанные с большим мастерством вещи. Примерами являются великолепный *энси* из собрания А.А. Боголюбова (РЭМ, колл. № 87-3; рис. 14) и торба с узором *кеджебе* из собрания С.М. Дудина (РЭМ, колл. № 37-13; рис. 15). Они же демонстрируют, что эстетика изделий XIX в. иная: рисунок этих предметов суховат, симметричен и в результате лишен той индивидуальности, которая присуща ранним сарыкским шедеврам. При всей яркости, декор обоих изделий достаточно прост для исполнения и может быть выполнен (и выполнен) регулярной вязкой, без применения каких-либо дополнительных приемов.

Нам не известны и, возможно, никогда и не будут полностью поняты причины изменения тех вкусов — или умений, — которые вызвали названные изменения. В отличие от классического иранского и индийского дворцового искусства, стиль которых во многом зависел от пристрастий той или иной правящей династии, в кочевой среде развитие ремесла определялось иными факторами, главным из которых зачастую было состояние экономики. Так, если племя жило в мире и процветании, у мастеров было достаточно возможностей для любого рода совершенствований и инноваций, в том числе и вполне рискованных. Однако если условия существования племени ухудшались, и уровень жизни населения опускался до состояния выживания, все «излишества» отбрасывались. Исторические источники сообщают, что конец XVIII и XIX вв. были очень тя-

желыми для туркмен, что сказалось на всех сторонах их жизни. В ковроделии, которое становится важным источником дохода для обедневших семей, начался период быстрого перехода к товарному производству, что, как правило, сопровождается упадком традиционных форм.

Не следует, конечно, исключать и другие причины происходивших трансформаций. Так, одним из важных и пока плохо объяснимых факторов изменчивости, является феномен смены стилей (моды), то есть внутренних процессов развития художественных форм. Сегодня мы видим искусство XVII – XVIII вв. как период процветания роскошных форм стиля барокко, причем не только на Западе, но и на Востоке. Позднее, в XIX в., изобразительные и прикладные искусства сконцентрировались на имитациях старинных, часто «экзотичных» мотивов. Как это ни покажется странным, аналогичные процессы просматриваются и в таком далеком от европейских салонов явлении как туркменское ковроделие, стиль и декор которого в XVII – XVIII вв. демонстрируют элементы барокко, на смену которым в XIX в. пришли смешанные, часто архаизированные по рисунку, но упрощенные по исполнению мотивы и техники.

Эти тенденции видны и в изделиях населения Средней Амударьи. В группу на тестирование по карбону вошли семь амударьинских ворсовых предметов. Это больше, чем в какой-либо другой из рассмотренных групп, однако абсолютно недостаточно, поскольку, в отличие от изделий сарыков или салоров, амударьинская ковровая продукция невероятно велика и разнородна. Это, а также то, что ткачество региона в целом изучено недостаточно, не позволяет сделать какие-либо общие выводы. Поэтому я предлагаю только замечания к теме, немногочисленные, однако, на мой взгляд, представляющие достаточный интерес для того, чтобы представить их вниманию читателей.

Для начала важное замечание: в работе используется термин «ковроделие Средней Амударьи» (далее САД) вместо обычных названий «эрсари» для племенных изделий региона и «бешир» — для не-племенных. Это, конечно, не касается тех случаев, когда мы имеем дело с собственно эрсаринской или бе-

ширской продукцией. Причина возникновения термина САД обусловлена тем, что Средняя Амударья – это длинная, узкая и густо заселенная долина, на которой проживают десятки разных племен, родов и не-племенных групп, часто отличных по происхождению и времени прихода в долину. В XIX в. и ранее местное население производило большое количество племенных и не-племенных ковров и ковровых изделий, различных по форме, стилю, декору и технике исполнения (16). Некоторая часть этой продукции может быть идентифицирована как изделия салоров, эрсари, арабахи, кизы-аяк, узбеков. Другие виды классифицируются по рисункам: к примеру, *минахани*. Однако большая часть амударьинской ворсовой продукции абсолютно анонимна и не имеет даже «кодовых» названий. Именно поэтому автор предлагает называть амударьинскую ковровую группу по общей для нее территории производства, а не по доминирующему в регионе племени (эрсари) или торговому «ярлыку» (бешир).

Существует общее мнение, что среди ковров САД нет столь ранних образцов как среди салорских или, скажем, сарыкских изделий. Именно это, кажется, послужило основной причиной того, что для датирования было выбрано всего семь предметов этой необычайно обширной группы. Два из них – дверные занавеси *энси* из коллекции Питера Хоффмайстера, возраст одного из которых был определен в пределах 235 ± 55 – 265 ± 50 лет. Предмет составной, сшит из разрозненных частей одного изделия (рис. 16). Технически он выполнен асимметричным, открытым вправо узлом, без депрессии, характерным для средней и южной зоны САД (рис. 4, ас II). Составленный из кусков рисунок достаточно неуклюж и непропорционален. Однако, цвета яркие, с глубокими оттенками красного, розово-оранжевого, и множественных вариантов синей и зеленой гаммы. Отличительная черта декора *энси* – отсутствие желтого цвета и использование в ворсе белого хлопка.

Другой датированный по карбону дверной занавес, также из коллекции Питера Хоффмайстера, имеет общие с предыдущим черты в декоре, при более разработанных деталях рисунка и композиции в целом (рис. 17). С точки зрения структуры он сделан тем

же узлом, но отличен в нюансах. Цветовые гаммы близки, однако появляется желтый. Предложенная С-тестированием датировка весьма широка: от начала XVIII – до начала XIX вв.

Оба занавеса, при всех отличиях в облике и манере ткачества, принадлежат к одной семье и имеют множественные общие черты. Сравнивая их, мы видим, что изменения, происходившие в декоре изделий этого типа (или некоторой их части) в течение XVII – XVIII вв. противоположны выявленным для сарыкских настенных занавесей. А именно: развитие шло от простых и несколько неумелых рисунков и композиций к более сложным и разработанным.

Вторая пара сопоставимых предметов – молитвенные ковры с белым фоном. Один из них, *намазлык* из собрания С.М. Дудина, датирован по углероду концом XVII – началом XVIII вв. (РЭМ, колл. № 26-61; рис. 18). Второй, фрагмент *саффа*, был представлен на аукционе Сосбис в апреле 1998 г. и атрибутирован по карбону началом XIX в. Достаточно точно датирован еще один представитель этой группы, а именно, фрагмент *саффа*, изготовленного по заказу эмира бухарского в 1874 г. и хранящийся в Музее мечети Магаки Атари, Бухара (рис. 19) (17). При всех отличиях в форме, размерах и элементах декора, все три ковра принадлежат к единой группе. Архетипом для них являлся, судя по последним исследованиям, именно Дудинский ковер или его прямой предок.

Большинство *намазлыков* этой достаточно большой группы описаны, благодаря чему мы можем подробно проследить изменения, происходившие внутри типа на протяжении трех веков. Так, если Дудинский *седджаде* имеет цветовую гамму из 24 тонов, сложный рисунок тотемного характера (18), использует смешанные тона в нитеобразовании и узлы *пэкинг* особого типа (19), то поздние образцы отличаются примитивным декором с использованием 3 – 5 цветов и выполнены простейшей вязкой. Следует отметить, что все *намазлыки* рассмотренного вида относятся к продукции древнего городского населения САД (20). Исходя из этого, можно предположить, что отмеченные изменения могут рассматриваться как общие для городской ворсовой

продукции долины, во-первых, и, во-вторых, они аналогичны отмеченным для сарыкского ковроделия.

Многокомпанентный характер ковроделия долины САД обусловил яркие особенности разных ковровых групп в его составе. Одним из замечательных изделий какой-то анонимной группы является длинный ковер с необычным *икатным* рисунком из собрания С.М. Дудина (РЭМ, колл. № 362-13; рис. 20). Ковер имеет сложную структуру, одной из особенностей которой является не встречавшийся в ранее рассмотренных изделиях прием *эксцентричности*. Метод характерен для гобеленов и заключается в том, что в структуру полотна вводятся дополнительные утки, помогающие создать сложные мотивы. В ворсовых коврах вместе с утками вводится и ворс, причем такие участки, как правило, создаются по боковинам изделия и имеют клинообразную форму (рис. 21). Тонкий и одновременно несколько неустоявшийся *икатный* рисунок ковра, его структура и цветовая гамма позволили предположить, что он имеет значительный возраст, и включить его в группу на С-тестирование. Результат показал, что предположение было верно, и ковер был изготовлен в пределах 250 – 300 лет назад.

Иными являются типичные особенности ковров типа *минахани*, названных так по характерному цветочному рисунку. В группу входят изделия самых разных видов: постилочные ковры, *энси*, *чувалы*, *торбы* и другие. Все они: как ранние, так и поздние – сделаны из блестящей шелковистой шерсти, сотканы правосторонним открытым влево узлом с небольшой депрессией; ранние образцы демонстрируют сложные системы сучения ворсовой нити, близкие к описанным для сарыков. Отличия с сарыкскими изделиями в том, что ткачи группы *минахани* применяли метод многоцветного сучения не только для создания оттенков оранжевого и красного, но также зеленого и голубого цветов. Свитые вместе, близкие по тону нити создавали мягкие переходы расцветки (например, от темной середины цветка к более светлым краям лепестков), что придавало узору особую тонкость и глубину. Возможно, лучшим образцом изделий этого типа

является ковер с пурпурным фоном из коллекции Текстильного Музея, Вашингтон, переданный музеем Ричардом Айзексоном в 2004 г. (рис. 22).

Еще один «экзотичный» метод ткачества, названный «диагональным», был впервые выявлен во фрагментах ковра с рисунком «большая пальметта», принадлежащем Мори Байнуму, США, и датируемом концом XVIII – началом XIX вв. (рис. 23). Фрагменты демонстрируют перфектное исполнение мастером орнаментальных мотивов и глубокое понимание возможностей узелковой вязки. Метод с виду прост и основан на использовании в фактуре ковра ворсовых нитей разной толщины. Так, помимо основных нитей, Z2S, которыми выполнен фон и большая часть декора, в текстуре ковра введены узлы Z1 (белого цвета), Z3S и Z4S (красные, синие). В ворсовом полотне тонкие узелки Z1 подвергаются давлению со стороны массивных «соседей», выполненных пряжей Z3S и Z4S, благодаря чему разворачиваются и создают тонкие диагональные линии (рис. 36).

Последней из рассматриваемых в статье групп являются ковровые изделия салоров, отличающиеся архаическими рисунками, замечательной стабильностью приемов ткачества и декора и считающиеся в массе наиболее ранними из всех туркменских ковров.

Можете представить наше разочарование, когда тестирование показало, что 6 из 9 отобранных предметов имеют даты в пределах XVII – начала XIX вв, с предположительным возрастом в 115 ± 55 лет и менее. Среди них – красивейший постилочный ковер из коллекции Питера Хоффмайстера, изысканно-классические по декору чувалы из собраний А.А. Боголюбова (РЭМ, колл. № 87-20), С.М. Дудина (РЭМ, 26-32) и ГРМ (№ КОВ-202), а также шедевр ворсового ткачества туркмен – фрагмент свадебной попоны из собрания А.А. Боголюбова (РЭМ, колл. № 87-28; рис. 24). Все эти экспонаты выглядели столь древними, что мы не сомневались в их ранних датировках.

С одной стороны, сложившаяся ситуация разрушила некоторые общие представления об истории салорского ковроделия, угасшего, судя по историческим данным, к 1830-м годам (21). Но, с другой стороны,

было еще раз подтверждено правило, призывающее более внимательно относиться ко всем предлагаемым тестированием вариантам. Для названной попоны, например, разброс дат включает в себя 1680 – 1761 (29,3%), 1803 – 1938 (70,3%) и 1954 – 1955 (0,3%). Последний вариант следует исключить, как и весь XX в. в целом, поскольку коллекция приобреталась в конце XIX в. Приведенные цифры, таким образом, оставляют место для предположений о более раннем происхождении ковра, чем посчитанные машиной 80 ± 50 лет. Вполне вероятно, что более совершенные методы тестирования в будущем дадут возможность пересмотреть ряд дат.

Несомненный «реванш» принесли С-тесты трех других ковриков, представившие даты от XV до XVII вв. Один из предположительно 250-летних образцов – маленькая *торба* с композицией «компартимент с 8-конечными звездами» из коллекции Мартина Тышлера, Германия (рис. 25). Декор *торбы* выполнен 12 цветами, семь из которых – оттенки красного.

Шестьдесятю годами позже, судя по результатам тестирования, был сделан маленький настенный мешок с 6×3 *гёлями* из коллекции Питера Хоффмайстера (рис. 26), идентичный во всех элементах рисунка с *торбой* из коллекции ГРМ (КОВ-202) (рис. 27), датированной концом XIX в. Термин «идентичный» относится, как было сказано, только к рисунку данных *торб*, поскольку они имеют значительные отличия в структуре и в цветовой гамме, что, несомненно, является результатом 100-летнего разрыва во времени изготовления.

Однако наиболее ранним из салорских, и вообще всех рассматриваемых в статье изделий, является фрагмент *чувала* с «большим *чувал-гёлем*» из коллекции Мартина Тышлера (рис. 28). Результат тестирования – 325 ± 50 лет, с разбросом дат 1451–1664 (100%) был получен в двух независимых лабораториях, так что не подлежит сомнению. Абсолютный близнец фрагмента, из коллекции РЭМ (№ 26-79; рис. 29), с предположительной датировкой 120 ± 55 лет, не имеет отличий в рисунке и структуре полотна. Единственная отмеченная разница – большая кор-

розия шелка в чувале Тышлера и его более богатая цветовая гамма, главным образом за счет красных тонов. Если поместить *чувалы* рядом, мы увидим, что их декор совпадает во всех деталях, включая использование малинового шелка в *гёлях*, диагональное расцветивание рядов мотивов *келле* в *элем*, вплоть до количества узлов в том или ином элементе. Это выглядит почти невероятным, если вспомнить о разделяющих данные предметы четырех сотнях лет.

Следует подчеркнуть, что рисунок каждого из исследованных старинных ворсовых изделий салоров обычно выполнен не менее чем 18 цветами. Доминирующими в них являются оттенки красного, как чистые, так и образованные сучением пряжи разных оттенков. Эта специфическая черта представляется единственным явственным временным маркером для салорских ковров, поскольку другие используемые при визуальном датировании показатели: дизайн и структура, практически не менялись.

Выводы относительно датирующих визуальных маркеров салорских ковров (вернее, их почти полное отсутствие) важны с нескольких точек зрения.

Первое: как мы видим, опирающееся на чисто внешние признаки датирование может быть ошибочным, поскольку многие из них, включая декор ковра, не показывают сколь бы то ни было существенных перемен в ворсовом ткачестве племени в течение последних 200 – 300 лет.

Второе: те исследователи или коллекционеры, которые хотят обоснованно определить время производства того или иного салорского предмета, должны провести максимально тщательный анализ структуры ковра, сколь бы это ни было скучно и трудно. Конечно, многим любителям ковров такой совет может не понравиться. Как утешение для тех, кто не является поклонниками структурных описаний, могу сказать, что только в процессе совершения этой действительно утомительной работы мы можем понять уникальную красоту туркменского ковра как произведения искусства. Все составляющие шедевров взаимосвязаны, поскольку присущие лучшим туркменским коврам завораживающие рисунки можно по-

лучить только с помощью перфектных способов вязки и при глубокой гармонии цветовой гаммы. Только изучив ковер как триаду нитей – цвета – рисунка можно понять всю его сложность как произведения высокого искусства и, в определенной степени, как выражение особой философии народа.

Третье. Проведенные исследования подтвердили ранее существовавшее мнение, что наиболее древние из сохранившихся туркменских ковров выполнены с применением выдающихся, сложнейших техник. Долгой жизни шедевров способствовали по меньшей мере два фактора. С одной стороны, сами туркмены высоко ценили эксклюзивные творения своего традиционного искусства и, соответственно, хранили лучшие его произведения с большой заботой. С другой стороны, тончайший баланс толщины нитей основы, утка и ворса делал текстуру ворсового полотна более прочной и долговечной.

Мы подходим к концу обсуждения проблем датирования с применением углеродного анализа и достигли одного из самых противоречивых моментов в любой дискуссии об исследованиях, использующих данный метод. Многие находят результаты C14-датирования достаточно разочаровывающими из-за большого разброса получаемых дат и существования нескольких «трудных» периодов, которыми являются пороги между XV—XVI и XVIII – XIX вв. По мнению автора, однако, такие относительно незначительные помехи не должны затмевать основные достижения этого метода, целью которого является подтверждение, а в ряде случаев установление некоторых действительно ранних дат. Никогда прежде у нас не было столь твердых оснований для отнесения какого-либо туркменского коврового изделия к периоду XV—XVI вв., каковы бы ни были тайные предположения исследователей. Что не менее важно, теперь, используя проверенные показатели, мы сможем построить своеобразную «шкалу» атрибутирующих маркеров, что позволит достаточно аргументировано датировать большое число туркменских изделий. Задача очень трудна и требует проведения большого числа тестирующих анализов. Но сегодня, после того

как было положено удачное начало, есть надежда, что результаты работы вызовут интерес к данному методу, и число тестируемых по карбону и опубликованных образцов возрастет.

Следует добавить, что за прошедшие со времени написания статьи годы методы датирования текстиля по карбону и их интерпретации значительно развились и стали более точными. Достаточно сказать, что практически все поступающие в музеи и частные коллекции редкие и предположительно ранние ткани и ковры проходят С-тестирование, без чего представляемые владельцами описания предметов считаются неполными. Научная сторона процесса, однако, развивается медленно, поскольку в мире существует очень небольшое число специалистов, способных составить точные и полные описания структурных характеристик тестируемых тканей, и поскольку на настоящий момент мы не знаем тех организаций или персоналий, которые были бы заинтересованы в продолжении этой работы.

Автор приносит глубокую признательность всем друзьям и коллегам, оказавшим помощь в осуществлении данного проекта. Особая благодарность Питеру Хоффмайстеру, Германия, за активное содействие и возможность всестороннего исследования датированных по карбону шедевров из его коллекции. Гансу Синкнехту и Мартину Тышлеру (Германия), Гансу Кёнигу, Швейцария, Мори Байнуму и Ричарду Айзексону (США), за возможность изучения и фотографирования предметов из их коллекций. А также В. Гусеву, директору ГРМ, и В.М. Грусману, директору РЭМ (г. Санкт-Петербург), за разрешение на работу в фондах названных музеев, изучение отобранных предметов и предоставление образцов для датирования и публикации. На всех этапах исследования неоценимая помощь была оказана одним из инициаторов проекта, Йоргом Рагетом (Швейцария). И, наконец, отдельная благодарность д-ру Бонани (Федеральный институт, Швейцарии) – без представленных им результатов тестирования описанных в статье предметов данное исследование было бы невозможно.

Примечания

1. Классической работой по туркменскому ковроделию начала XX в. является альбом А.А. Боголюбова «Ковры Средней Азии», опубликованный в 1908 г., однако написанная еще в конце XIX – начале XX вв. Примерно в это же время были созданы статьи А.А. Семенова и С.М. Дудина, хотя последняя была издана только в 1928 г., уже после смерти автора.
2. Сказанное относится к абсолютному большинству европейских и американских публикаций по данной теме. Итоговым примером может служить в целом очень интересная и важная работа Уве Джордана (Jourdan U., 1989) или, скажем, каталог выставки 1975 г. Общества Хаджи Баба, Вашингтон. Однако в основной массе публикаций вообще не указываются никакие датировки.
3. Большая часть датируемых XVI в. туркменских ковров не относится к изделиям Соинхановской (Салорской) конфедерации племен. Среди описанных в данной статье предметов наиболее ранними являются два охарактеризованных ниже салорских настенных мешка, соответственно, XV и XVI вв.
4. Проект был инициирован группой европейских исследователей. Наиболее активными его участниками были Питер Хоффмайстер, Германия, Ганс Синкнехт, Германия, Йорг Рагет, Швейцария, Роберт Пиннер, Англия, Елена Царева, Россия. С Российской стороны экспонаты для тестирования были предоставлены Российским этнографическим музеем (14 предметов); ГРМ (4 предмета); ГЭ (пазырыкский ковер). Помимо экспонатов РЭМ и ГРМ в статье рассматриваются вещи из вышеназванных собраний Питера Хоффмайстера и Ганса Синкнехта, а также Мартина Тышлера, Германия, Ганса Кёнига, Швейцария, Текстильного Музея, Вашингтон (бывшее собрание Ричарда Айзексона) и Мори Байнума, США. Важной составной частью проекта был Симпозиум по С-датированию туркменских ковров, главным организатором которого был Йорг Рагет (1999 год, Швейцария). Участники проекта планировали опубликовать доклады симпозиума и другие результаты своих исследований, однако составитель сборника счел возможным расширить круг привлекаемых сегодня для датирования источников, включая красители. В результате компилирование сборника по сей день не закончено.
5. XIV – XV вв., в частности, датирована гокленская полоса для обвязывания юрты из коллекции П. Хоффмайстера, опубликована (Cassin, 1988. Pl. 40).
6. Текст статьи был несколько переработан по сравнению с 2000 г., однако приводимые возрастные показатели были оставлены без изменений и соответствуют данным, полученным в 1999 – 2000 гг.
7. В проекте были задействованы ковры и ковровые изделия из коллекций РЭМ и ГРМ (г. Санкт-Петербург), считающихся наиболее полным собранием туркменских ковров в мире, а также из важнейших частных европейских коллекций: собрание Питера Хоффмайстера, Ганса Синкнехта и Мартина Тышлера, Германия, а также Ганса Кёнига, Швейцария.
8. Основным материалом сарыкских ковров и ковровых изделий является шерсть, в высококачественных предметах нередко шелк; хлопок используется в ограниченных количествах. Редким образцом создания смешанных тонов в хлопчатобумажных нитях является *энси* из коллекции ГРМ, КОВ-160.
9. У текинцев в ряде случаев отмечено использование смещения, достигаемое путем пропуска основ либо вязкой на одной нити основы.
10. Нужно отметить, что в росписи арок и потолков галерей второго этажа храма Св. Софии в Константинополе были широко использованы мотивы и композиции, которые мы сегодня рассматриваем как ковровые. Тема эта представляет особый интерес и, насколько мне известно, пока не изучена.
11. См.: Pinner, 1983, p. 272—276
12. Мухаммад Казим, см.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939, с. 189-190; Мир-Абдул-Керим Бухари – см.: Ibid., с. 202.
13. Для сравнения, темная, пурпурно-коричневая и пурпурно-красная гамма характерна для ворсовых изделий каракалпаков, исконных обитателей дельты Амударьи—Сырдарьи (Tsareva, 2003, p. 232—235).
14. Данный медальон имеет множественные названия; в европейской литературе самыми распространенными наименованиями являются «салорская роза» и *салор-гёль*. Однако история изучения туркменского коврового орнамента заставляет усомниться в правильности термина, имеющего, скорее, «базарное» происхождение, как и многие другие термины среднеазиатского ковроделия. Работы туркменских авторов предлагают другие названия для медальона. Наиболее верным представляется термин *карлык-гёль*, используемый Г. Сауровой (1968, таблица), хотя ее сведения о данном названии расходятся с противоречивой информацией, приведенной А. Пиркулиевой (1966, с. 167).
15. О значении композиции сарыкского энси из собрания А.А. Боголюбова (РЭМ, колл. № 87-3) см.: Tsareva, 1996, p. 89.

16. О ковроделии населения долины Средней Амударьи см.: Царева, 2006.
17. Мошкова, 1970; Moshkova, 1996, p. 292.
18. Царева, 2007, с. 16 – 17.
19. Отличие применяемых амударьинскими ткачами узлов *пэкинг* от сарыкских заключается в том, что первые могли соединить в одном *пэке* два-три узла разных цветов.
20. О семантике рисунка Дудинского намазлыка см.: Царева, 2007, с.16—17.
21. Tsareva, 1983.

**Названы в тексте, но не вошли
в список иллюстраций:**

- Мешок настенный *чувал*, ГРМ, колл. № KOV-202. Опубликован: Boguslavskaya, Tsareva, 1999, fig. 174.
- Ковер постилочный халы, коллекция Питера Хоффмайстера.
- Мешок настенный *чувал*, салоры, РЭМ, колл. № 87-24. Опубликован: Tsareva, 1996, fig. 149.
- Мешок настенный *чувал*, салоры, РЭМ, колл. №26-32. Опубликован: Tsareva, 1984, fig. 8.
- Salor torba, SRM, coll. #KOB-206. Опубликована: Boguslavskaya, Tsareva, 1999, fig. 177.

Литература

- Абальмасова Е.А., Лузина Е.В. Врожденные деформации опорно-двигательного аппарата и причины их происхождения. Ташкент, 1976.
- Аванесова Н.А. Новое в погребальном обряде сапалинской культуры // АВ. № 4. СПб., 1995. С. 63-72.
- Аванесова Н.А. Результаты исследования некрополя Бустон VI // АИ Уз 2000. Самарканд, 2001. С. 31-36.
- Аванесова Н.А. Храмовые функции сакрализованных площадок некрополя доисторической Бактрии Бустон VI // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2002. С.108-115.
- Аванесова Н.А. Двенадцатый полевой сезон на некрополе Бустон 6 // АИ Уз 2004-2005. Ташкент, 2006.
- Августинник А.И. К вопросу о методике исследования древней керамики // КСИИМК, 1956. № 64.
- Августинник А.И. Керамика. М., 1957.
- Авеста. Видевдат. Фрагард восьмой. Перевод с авестийского, вступительная статья и комментарии В.Ю. Крюковой // ВДИ. 1994. № 1. С. 238-249.
- Авилова Л.И., Терехова Н.Н. Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху металла – бронзового века // КСИА РАН. Вып. 220. М., 2006 С. 14-33.
- Алексеев В.П. Антропологические аспекты индоиранской проблемы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
- Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- Аманбаева Б.Э., Рогожинский А.У., Мэрфи Д.М. Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы // АИ Уз 2005 г. Тошкент, 2006. С. 256-265.
- Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
- Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатоллии. М., 1982.
- Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана. Ташкент, 1983.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самаркан, 1993.
- Атнагулов И.Р. Жертвенное животное в обрядовой практике нагайбаков // VII КАЭР. Доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 253.
- Бабаков О. Средневековое население Туркменистана. Ашгабат, 1988.
- Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонур-Депе // Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105 – 132.
- Бабаков О. Население Гонур-депе в эпоху бронзы (в свете антропологических данных) // У истоков цивилизации \ Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., 2004.
- Бабаков О., Алмазов Х., Тангрыкулиев П. Заболевания зубов и челюстей средневекового населения Туркмении // Здоровоохранение Туркменистана. 1986. № 4.
- Бабаков О., Худайбердыев Д. Аномальные признаки на черепях Чакандепе позднего средневековья: (XVI-XVIII вв.) // Тезисы докладов итог. науч. конф. проф.-препод. состава туркмен. мед. инст., посвящённой 60-летию образования ТССР и создания компартии Туркменистана. Ашхабад, 1984.
- Балуева Т. С., Веселовская Е. В. Прогнозирование внешнего облика по костным останкам // Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 2. М., 2003.
- Беговатов Е.А., Петренко А.И. Задача определения пола и высоты в холке крупного рогатого скота в археологии // Учебная разработка к курсу «Естественнонаучные методы в археологии». Казань, 1994.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. М., 1986, С. 137- 157.
- Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
- Бобринский А.А. Методика изучения организационных форм гончарных производств // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С.10-43.
- Боголюбов А.А. Ковры Средней Азии. СПб, 1908.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 2003.
- Бороффка Н., Бубнова М., Вайсгербер Г., Лутц Й., Парцингер Г., Перницка Е., Старшинин Д., Циерна Я., Якубов Ю. Исследования в районе древних выработок олова в Северном Таджикистане (Мушистон и Такфон) // АРТ. Вып. XXVII. Душанбе, 2000. С. 71-120.
- Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М., 1995.

- Бужилова А.П. 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика антропологических исследований. М., 1998. С. 87-146.
- Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX - начале XX в. Л., 1988.
- Бутанаев В.Я. Традиционная пища хакасов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюркомонгольских народов. Новосибирск, 1993. С. 150-170.
- Васильев С.В., Бабаков О., Боруцкая С.Б. Типология ростовых нарушений в антропологических исследованиях // Вест.А. Вып.7. М., 2001. С.199 – 218.
- Васильев С.В., Бабаков О., Боруцкая С.Б., Савинецкий А.Б. Антропологическое исследование погребений с обожженными стенками Гонурского некрополя (Туркменистан) // ПИИЭА. М., 2001а. С. 7 – 19.
- Гаврилина Л.М. Кочевнические украшения X в. // СА. 1985. № 3. С. 214-226.
- Галданова Г.Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюркомонголов // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 71- 89.
- Галданова Г.Р. Ритуальная пища монгольских народов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюркомонгольских народов. Новосибирск, 1993. С. 141- 150.
- Галибин В.А. Металл раннего и развитого энеолита из могильника Пархай II // Энеолит Юго-Западного Туркменистана. С-Пб., 1997. С. 296-298.
- Галибин В.А. Металл из могильника Пархай II // Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. С-Пб., 2002. С. 195-199.
- Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М., 1983.
- Генинг В.Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев, 1992.
- ван Геннеп А.. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.
- Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ. Новая серия, Т. XXVIII. М., 1955.
- Гиберт Ф. (Hiebert F.) Хронология Маргианы и радиоуглеродные данные // ИБ МАИКЦА. Вып. 19. М., 1994 С. 167-182.
- Гиберт Ф., Киллик Д. Металлургия Маргианы бронзового века // ИБ МАИКЦА. Вып. 19. М., 1994 С. 217-239.
- Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск, 1992.
- Голубкова О.В. Кошка и собака в мифоритуальной традиции славянских и финноугорских народов // VII КАЭР. Доклады и выступления. Саранск, 914 июля 2007 г. Саранск. 2007. С. 355-356.
- Грязнов М.П. Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам // СА. 1946. 8. С. 306-318.
- Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. XVI. М.-Л., 1952.
- Гутков А.И. Техничко-технологический анализ керамики могильника Кривое озеро // Виноградов Н.Б. Могильник Кривое озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003, С. 311-316).
- Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Данилов С.В. Ритуальные захоронения баранов в Забайкалье // СА. М., 1982. № 1. С. 229-233.
- Дегтярева А.Д. Металлообрабатывающее производство Казахстана и Киргизии в эпоху поздней бронзы (XII-IX вв. до н.э.). АКД. М., 1985.
- Дрезден М. Мифология древнего Ирана. М., 1977.
- Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации \ Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., 2004. С. 254-281.
- Дубова Н.А. Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // ПИИЭА 2003. М., 2005. С.32 – 49.
- Дубова Н.А. Как был восстановлен облик древних жителей страны Маргуш // Сарияниди В.И. Гонур. Город царей и богов. Ашхабад, 2005. С. 315-321.
- Дубова Н. А. Антропологический облик населения Маргианы в антропоморфной пластике Гонура // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Т.1. М., 2006. С. 301-305.
- Дубова Н.А. Население Гонура по данным антропологии // Древняя Маргиана – новый центр Мировой цивилизации (Материалы Международной научной конференции, 14-16 ноября 2006 г.). Мары, 2006а. С. 169-174.
- Дубова Н.А. Погребения животных на известном памятнике эпохи бронзы Гонур-Депе, Туркменистан // Культура кочевников Центральной Азии. Материалы Международной Конференции. Самарканд, 22-24 ноября 2007 г. Самарканд, 2008. С. 84-97.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография некрополя Гонура // VI КЭАР. Тез. докл. СПб, 2005. С. 371.
- Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока как исторический источник IV – X вв. М., 1984.
- Егорьев А.Н. Особенности состава металла Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. Материалы ЮТАКЭ. Вып. 5. СПб., 2001. С. 85-92.
- Егорьев А.Н., Щетенко А.Я. Состав металла поселения эпохи поздней бронзы Теккем-Депе (Южный Туркменистан) // Археометрия. Вып. 3. Киев, 1999.
- Жизнь Растений \ Под ред. А.Л. Тахтаджяна М., 1981. Т. 5(2). С. 397.
- Исаков А. Саразм - новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА. 1986. №1. С. 152-174.
- Исаков А.И. Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-1983 гг.). Душанбе, 1991.

- Каменецкий Н.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников: возможности формализованного подхода. М., 1975.
- Кац Н.Я., Кац С.В., Кипиани М.Г. Атлас и определитель плодов и семян встречающихся в четвертичных отложениях СССР., М., 1965
- Кирчо Л.Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // У истоков цивилизации \ Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., 2004. С. 142- 160.
- Кирчо Л.Б., Алёшкин В.В. Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005.
- Киселева С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. М.–Л., 1949 (второе издание – М., 1951).
- Классификации в археологии. Терминологический словарь-справочник. М., 1990.
- Ковнурко Г.М. Петрографический анализ керамики из Кангурттута // Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004, С. 240-247.
- Кожин П.М. О технике выделки фатьяновской керамики // КСИА. 1964. Вып. 101.
- Кожин П.М. Рецензии на: В.М. Массон. Памятники развитого энеолита Ю.-З. Туркмении. М.–Л., 1962 // СА. 1964а. №3. С. 332, 333.
- Кожин П.М. Керамика индейцев пуэбло // Сб. МАЭ. Вып. XXIV. Л., 19??
- Кожин П.М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 54-70.
- Кожин П.М. Система представлений в археологии: Хронология, этногенез, производство, структура общества // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Тирасполь, 2002, С. 13 – 16.
- Кожин П.М. Атти-касинская культура в свете исследований балановской культуры О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым // Древность и средневековые Волго-Камья (материалы третьих Халиковских чтений). Казань, 2004. С. 89.
- Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке. Палеокультурология и колесный транспорт. Владивосток, 2007.
- Кожин П.М., Иванова Л.А. Океанийская керамика в собраниях МАЭ // Сб. МАЭ. Вып XXX. Л., 1974.
- Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке. Палеокультурология и колесный транспорт. Владивосток, 2007.
- Козинцев А.Г. Метопизм в Азии, Африке, Австралии, Океании, Америке // ВА. 1975. Вып. 50.
- Коробкова Г.Ф. Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. Материалы ЮТАКЭ. Вып. 5. СПб., 2001. С. 146-212.
- Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск. 2000. С. 17-44.
- Крюков В.М. Ритуальная коммуникация в древнем Китае. М., 1997. С. 26-40.
- Крюков В.Н., Бедрин Л.М., Томилин В.В. и др. Судебная медицина. М., 1990.
- Крюкова В.Ю. Зороастризм. СПб, 2005.
- Кузьмина Е.Е. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древних пастушеских племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 23-43.
- Лебединская Г. В. Антропологическая реконструкция внешнего облика людей, оставивших могильники Сахтыш, Ивановское, Ловцы и озеро Ловецкое // Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология Сахтышских стоянок). М., 1997.
- Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу. М., 1998.
- Лебединская Г. В. Соотношение между верхним отделом лица и лицевого черепа // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.
- Леус П.А., Горегляд А.А., Чудакова И.О. Заболевания зубов и полости рта. Ростов н/Д, 2002.
- Лисицына Г.Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на Юге Туркмении. М., 1965.
- Литвиненко К.И., Радзиловский В.В., Якубов Ю.Я. Древнее горнорудное производство бассейна реки Заравшан // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии. К 60-летию Таджикско-Памирской экспедиции. Тезисы докладов Международной научной конференции. Худжанд, 1994. С. 64-67.
- Литвинский Б.А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954.
- Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. М., 2000.
- Маликов В.М. Жертвенник из пригородного здания Неаполя скифского // КСИА АН УССР. 1961. Вып. 11.
- Малютина Т.С. Федоровская культура Урало-Казакстанских степей. КД. Рукопись. М., 1993.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. 2004. № 4, С. 67-68.
- Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА. Вып. 145. Л., 1968.
- Массон В.М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина // ТЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад, 1956. С. 291-373.
- Массон В.М. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур (в свете работ ЮТАКЭ 1955- 1958 гг.) // ТЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад, 1960. С. 11-36.

- Массон В.М. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч.2: Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. САИ-Б 3-8. М.-Л., 1962.
- Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л., 1971.
- Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964. Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М., 1982.
- Массон В.М. Первые цивилизации. М., 1989.
- Массон В.М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб, 2006.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. М.-Л., 1939.
- Мейер-Меликян Н.Р. Определение растительных остатков из Тоголок 21 // Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990. С. 203-204.
- Мищенко Ж.Д. Судебно-медицинская оценка механизмов переломов костей лицевого скелета при травмах тупыми предметами // Экспертные критерии механизма повреждений и диагностика давности их причинения. Респ. сборник научных трудов \ Под ред. В.Н. Крюкова. М., 1984. С. 18-26.
- Мкртычев Т.К. К интерпретации терракоты из Сары Тепе II (Южный Согд) // СА. М., 1985. № 3. С. 255-257.
- Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. Программа и методика исследований аномалий черепа // ВА. Вып. 51. 1975.
- Мошкова В.Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX века. Ташкент, 1970.
- Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 112-126.
- Никитин С. А. Дальнейшее развитие метода антропологической реконструкции. Восстановление глаза // Вест.А. 2007. Вып. 15.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системах взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1. С. 65-76.
- Пауль Э. Поддельная богиня (история подделок произведений античного искусства). М., 1982.
- Пилипко В.Н. Основоположник археологии Туркменистана (К столетию со дня рождения А.А. Марущенко) // РА. 2005. № 2. С. 156 –162.
- Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
- Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2000.
- Пиркулиева А.Н. Ковровое ткачество туркмен долины Средней Аму-Дарьи // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.
- Попова Е.А. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // СА. 1990. № 3. С. 196-203.
- Радзюн А.Б. Рентгенологическая характеристика длинных костей конечностей казахов // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974.
- Равич И.Г. Особенности состава и технологии изготовления металлических изделий, найденных на поселении Кангуртут // Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004. С. 200-224.
- Рак И.В. Авеста в русских переводах. СПб, 1997.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М.- Л., 1965.
- Рузанов В.Д. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры // СА. 1980. № 4. С. 55-64.
- Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. АКД. М., 1982.
- Рузанов В.Д. Химический состав металла могильника Чакка // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 219-220.
- Рузанов В.Д. О хронологии металлического комплекса Бургулюкской культуры // ОНУ. № 2. Ташкент, 1998. С. 46-50.
- Рузанов В.Д. К вопросу об истоках оловянистых бронз в металлообработывающих производствах племен Средней Азии в эпоху бронзы // ОММТ. 30. Nashri. Samarqand, 1999. С. 37-40.
- Рузанов В.Д. Еще раз о хронологии чустской культуры Ферганы // РА. 1999а. № 4. С. 24-37.
- Рузанов В.Д. Карнабское касситеритовое месторождение – источник олова эпохи бронзы // ОММТ. 31. Nashri. Samarqand, 2000. С. 54-57.
- Рузанов В.Д. Спектральный анализ металлических изделий из могильника Тандыр-йул // Н.М. Виноградова: Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004. С. 199.
- Рузанов В.Д., Лушпенко О.Н. Некоторые результаты изучения химического состава металла бургулюкской культуры // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 77-75.
- Садаев Д.Ч. История древней Ассирии. М., 1979.
- Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982. С. 21-30.
- Сарияниди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // САИ Б 3-8. Ч. 4. М., 1965.
- Сарияниди В.И. Коллективные могилы и изучение общественного строя раннеземледельческих племен (по материалам Геоксюрского некрополя) // УСА. Вып. 1, Л., 1972, С. 22-26.
- Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1977 гг.). М., 1977.
- Сарияниди В.И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии // СА. 1977а. № 1. С. 203-224.
- Сарияниди В.И. К вопросу о культуре Заман-баба // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 23-28.
- Сарияниди В.И. Протозороастрийский храм в Каракумах // Природа. 1988. № 11. С. 117-118.
- Сарияниди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане, и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989. № 1. С. 152-169.
- Сарияниди В.И. Храм огнепоклонников в сердце Каракумов // Памятники Туркменистана. 1989а. №1(47). С. 13-15.

- Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди В.И. И здесь говорил Заратуштра. М. 1991.
- Сарианиди В.И. Теменос Гонура // ВДИ. 1997. № 1. С. 148-168.
- Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в древней дельте р. Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Сарианиди В.И. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации \ Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., 2004. С. 229 - 253.
- Сарианиди В.И. Храм воды в Гонур-депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Miras. № 3. Ашхабад, 2004а. С. 38-51, 84-97, 130-143 (на туркм., рус., англ. яз.).
- Сарианиди В.И. Проблемы Бактрийско-Маргианского археологического комплекса // Культурные ценности. Международный ежегодник. 2002-2003. СПб., 2004б. С. 181-190.
- Сарианиди В.И. Гонур Деде – город царей и богов. Ашхабад, 2005.
- Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 2 (257). С. 155-192.
- Сарианиди В.И. Туркменистан – Центральноазиатский очаг древневосточной цивилизации // Туркменистан. Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Ашхабад, 2006а. С. 151-168 (на туркм., рус., англ. яз.).
- Сарианиди В.И. Царский город богов и храмов // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006в. С. 257-318.
- Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // РА. 2007. № 1.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008 (на туркм., рус., англ. яз.).
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Храм Хаомы в Гонур-Депе // Мирас (Ашхабад). 2006. № 3. С. 88-92.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Раскопки литейной мастерской на поселении Гонур-Депе // Мирас (Ashgabat). 2006. № 1. С. 128-131 (на туркм., рус., англ. яз.).
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Лошадь в Центральной Азии у земледельцев эпохи бронзы: новые находки на Гонур Деде (Туркменистан) // The Ethnohistory and Archaeology of Northern Eurasia: Theory, Methods and Practice. Irkutsk, 2007. Р. 224-233.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур Деде) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Всероссийская научная конференция. Барнаул, 2008. С. 149-152.
- Сарианиди В.И., Панарин С.А. Рец. на «Investigations at Tal-i-Iblis» // СА. 1971. № 1.
- Саурова Г. Современный туркменский ковер и его традиции. Ашхабад, 1968.
- Список опубликованных работ А.А. Бобринского // РА. 2005. № 3 С. 67-68.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М., Л., 1966.
- Станкевич И.Л. Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековые народы Средней Азии. М., 1978, рис. 20-25.
- Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970;
- Терехова Н.Н. Металлообработка на энеолитическом поселении Геоксюр // СА. 1974. № 2.
- Терехова Н.Н. Металлообрабатывающее производство древнейших земледельцев Туркмении // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975. С. 14-75.
- Терехова Н.Н. Обработка металлов в древней Маргиане // Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990. С. 177-202.
- Терехова Н.Н. Техника металлообработки на поселении Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. Материалы ЮТАКЭ. Вып. 5. СПб., 2001. С. 104-117.
- Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. Орск-Самара, 2006.
- Удемурадов Б.Н. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашгабат, 1993.
- Фляксбергер К.А., Антроповы В.И. и В.Ф., Бахтеев Ф.Х., Мордвикина А.И.. Определитель настоящих хлебов. М.-Л., 1939.
- Франкфорт А.-П. Цивилизация БМАК и местонахождение Мархаши около 2300-1800 гг. до н.э. // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации (Материалы международной научной конференции). Ашхабад, 2006. С. 193-194.
- Хабибуллина А.Р. Традиции угощения бешбармаком в башкирском застолье // VII конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 251.
- Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.- Л., 1964.
- Хлопин И.Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб., 1997.
- Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002.
- Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии. Погребения Алтын-Депе. СПб, 2005.
- Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970. 280 с.
- Царева Е.Г. Тотемные изображения на ворсовых коврах Средней Амударьи // У истоков цивилизации \ Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., 2004. С. 202—224.
- Царева Е.Г. Ворсовое ткачество Средней Амударьи в контексте евразийской традиции // Котин И.Ю., Родионов М.А., Царева Е.Г. Социум и окружающий мир в традициях Центральной, Южной и Юго-Западной Азии. СПб., 2006. С. 7 – 99.
- Царева Е. Ковер для молитвы // Эрмитаж. 2007. № 8. С.16—17.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. АДД. М., 2007.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА. № 88. М., 1960.

Черных Е.Н. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры // КСИА. Вып. 91. М., 1962. С. 30-37.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М., 1970.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.

Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. АДД. М., 1993;

Яблонский Л.Т. Мавзолей Северного Тагиска-на. Поздний бронзовый век Нижней Сыр Дарьи. М., 2001. Табл. 61, 293.

Янковская Н.Б. «День спасения — день милосердия» (um etarim — um gamalim) // ВДИ. 1994. №1. С. 3-19.

* * *

Bactria. An ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan \ Ed. G. Ligabue, S. Salvatori. Venezia, 1988.

Babakov H. (Babakov O.) The settlement of Gonur-Depe in the light of Anthropological findings // Margiana. Gonur-Depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue study and research centre. Venice, 2002. P. 145-163.

Berthoud T., Francaix S. Contribution a l'etude de la metallurgie de Suse aux IV-eme et III-eme millenaires. Commissariat a l'Energie, Atomique. P., 1980.

Boguslavskaya I., Tsareva E. The Turkmen Wedding // Sovrani Tappeti. Milano, 1999. P. 203-232.

Boyce M. A History of Zoroastrianism. Leiden-Koeln, 1975, 1982. Vol. 1-3.

Bronk Ramsey C. Probability and dating. Radiocarbon. 1998. 40. P. 461-474.

Bronk Ramsey C., Buck C.E., Manning S.W. Reimer P., Van der Plicht J. Developments in radiocarbon calibration for archaeology // Antiquity. 2006. 80. P. 783-798.

Cassin J., Hoffmeister P. Tent Band – Tent Bag. Classic Turkmen Weaving. Esbach, 1988.

Chernykh E.N. Metallurgical provinces of the 5th-2nd Millennia in Eastern Europe in relation to the process of Indo-Europeanization // JIES. 1980. Vol. 8. N 3/4. P. 317-335.

Chernykh E.N. Ancient metallurgy in the USSR: The Early Metal Age. Cambridge, 1992.

Craddock P.T. Early Metal Mining and Production. Edinburgh, 1995.

Dani A. Timargarha and Gandhara Grave Culture // Ancient Pakistan. Peshaver, 1967. Vol. III.

Davey Chr. The Metalworkers' Tools from Tell Edh Dhiba'I // Bulletin of the Institute of Archaeology UCL. 20. L., 1983. P. 169-185.

Dhavalicar M., Atre, S. The Fire cult and Virgin Sacrifice some Harappan rituals \ Old Problems and

New Perspectives in the Archaeology of South Asia \ Ed. J. Kenoyer. L., 1989.

Drost D. Tüpferei in Africa. Leipzig, 1967.

Dubova N. Qui vivait a Gonur Depe? // Dossier de l'archeologie et sciences des origines. N 317. Octobre 2006. S. 40-45.

Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: some Anthropological Data // У истоков цивилизации \ Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., 2004. P. 317-336.

Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, 2007. P. 296-329

The Ersari and Their Weavings. Christmas Exhibition of the International Hajji Baba Society, INC. Washington, D.C., 1975.

Francfort H.- P. The Early Periods of Shortughai (Harappan) and the Western Bactrian Culture of Dashly // SAA 1981. Ed. Allchin. Cambridge, 1984. P. 170-175.

Hampe R., Winter A. Bei Tüpfeln und Tüpferrinnen in Kreta, Messenien und Zypern. Mainz, 1962.

Investigations at Tal-i-Iblis. Illinois State Museum Preliminary Reports. Illinois, 1967. N 9. P. 17-20.

Jourdan U. von. Orientteppiche Battenberg Antiquitäten-Katalogue. Bd 4. Turkmenische Teppiche. München, 1989.

Jungner H. A collaboration for developing archaeological researches in Turkmenistan // У истоков цивилизации \ Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., 2004. С. 292-293.

Kadanow D.D., Mutafov S.S. Ueber die wesentlichen Abweichungen von der Norm der Beziehungen zwischen den Deckknochen des Cranium cerebrale // Труды VII МКАЭН. Т.2. М., 1967. P. 375-386.

Keitch A. Human Skulls from Ancient Cemeteries in the Tarim Basin // JRAI. Vol. 59. 1929.

Kenoyer J.M., Miller H. M.-L. Metal Technologies of the Indus Valley Tradition in Pakistan and Western India // The Archaeometallurgy of the Asian Old World \ Editor Vincent C. Pigott. Philadelphia, 1999. P. 107 -151.

Lyonnet B. Another possible interpretation of the Bactro-Margiana Culture (BMAC) of Central Asia: The Tin Trade // SAA 2001. Vol. 1 (Prehistory) \ Ed. Jarrige C., Lefevre V. Paris, 2005. P. 191-200.

Leonnet B. Sarazm [Tadjikistan]. Ceramiques. [Chalcolithique et Bronze Ancien]. T.VII. P., 1996.

Meyer-Melikian N.R. Analysis of floral remains from Togolok 21 // Sarianidi V. Margiana and protozoroastrism. Athens, 1998. P. 178-179.

Meyer-Melikian N.R., Avetov N.A. Analysis of floral remains in the ceramic vessel from the Gonur Temenos // Sarianidi V. Margiana and protozoroastrism. Athens, 1998. P. 176-177.

Modi J.J. The religious ceremonies and customs of the Parses. L., 1932

Moorey P.R.S. Ancient Mesopotamian materials and industries. Oxford, 1994.

- Moshkova V.G. Carpets of the People of Central Asia \ Ed. and translated by G.W. O Bannon and O.K. Amanova-Olsen. Tucson, 1996.
- Muhly G.D. Copper and Bronze in Cyprus and the Eastern Mediterranean // *The Archaeometallurgy of the Asian Old World* (Ed. V.C. Pigott). Philadelphia, 1999. P. 15-25.
- Pigott V.C. A heartland of metallurgy Neolithic/ Chalcolithic metallurgical origins on the Iranian Plateau // *The Beginning of Metallurgy* (Proceeding of the International Conference «The Beginnings of Metallurgy», Bochum 1995). Bochum, 1999. P. 107-120.
- Pigott V.C. The Development of Metal Production on the Iranian Plateau: An Archaeometallurgical Perspective // *The Archaeometallurgy of the Asian Old World* (Editor Vincent C.Pigott). Published by The University Museum University of Pennsylvania, 1999a. P. 73- 106.
- Pinner L. The Structure of some Chinese Carpets and the Use of Packing and Warp-Sharing Knots // *Hali*. 1983. Vol. 3. P. 272—276.
- Piperno M., Salvatori S. The Shakhr-i Sokhta Graveyard (Sistan, Iran). Excavation Campaigns 1972-1978. Rome, 2007.
- Roberts C.A., Manchester K. The archaeology of disease. New York, 1995.
- Rye O.S. Pottery. Technology, Principles, Reconstruction. Wash., 1982
- Sarianidi V. Le complexe culturel de Togolok 21 en Margiane // *Art Asiatiques*. 1986. T. XLI. P. 5-21.
- Sarianidi V. Togolok-21: an Indo-Iranian Temple in the Karakum // *Bulletin of the Asia Institute*. 1990. Vol. 4. P. 159-165.
- Sarianidi V. Temples of Bronze Age Margiana: Tradition of ritual architecture // *Antiquity*. 1994. Vol. 68. № 259. P. 388-397.
- Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrianism. Athens, 1998.
- Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, 2007.
- Shepard A.O. Ceramics for the Archaeologist. Wash., 1956.
- Stech T. Aspects of Early Metallurgy in Mesopotamia and Anatolia // *The Archaeometallurgy of the Asian Old World* \ Ed. Vincent C. Pigott. Philadelphia, 1999. P. 59-71.
- Steward T.D. Essentials of forensic art chronology. Charles c Thomas publisher, 1979.
- Symbolic and Structural Archaeology. Cambridge-L.-N.Y., 1982 и др.
- Szafer W. Subfosalny biotop chomika w Mielniku nad Bugiem // *Acta Soc. Bot. Polon.* XXVI. # 1. 1957.
- Tsareva E. Saryk tent bags in the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR // *Hali*. 1978. Vol. 1. # 3. P. 277-281.
- Tsareva, E. The Turkmen Ensi. II. Decorative Door Cover // *A World of Carpet Textiles*. Washington DC., 2003.
- Tsareva E. Salor Carpets // *Hali*. 1984. Vol. 6. # 2. P. 126—135.
- Tsareva E. Rugs and Carpets from Central Asia. The Russian Collections, Leningrad—L., 1984.
- Tsareva E. The Dudin Collections: Selected Masterpieces. Ersari tent bags // *Hali*. 1985. Vol. 7. # 3. P. 14—24, 67—68.
- Tsareva E. Thirty masterpieces from the Collection of S. M. Dudin // *Oriental Rug Review*. 1990. P. 64—96.
- Tsareva E. Carpets of Central Asian Nomads from the collections of the Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg. Genova, 1993.
- Tsareva E. A. Bogolubov and Other Early Central Asian Carpet Collections in the Russian Ethnographic Museum // *The Atlantic Collections*. Eighth ICOC. Philadelphia, 1996.
- Tsareva E. Yurt Interior: Rugs and Carpets // *Music for the Eyes*. Antwerpen, 1997. P. 105—158.
- Tsareva E. Carpets/Fabrics and Carpets // *The History of Civilizations of Central Asia*. Part 3. Ch. 21. v. V: Development in Contrast: from the 16th to the mid-19th century. UNESCO. P., 2001. P. 680—699.
- Tsareva E. Early Symmetrically Woven Turkmen Carpets: Notes on the Structure and History of the Formation of the Technique // *J. of Dar al-Athar al-Islamiyyah*. Iss. 25. 2008. P. 15-26.